

Феодалные отношения, по мнению автора, вновь развиваются в Византии, начиная с первой половины X в., когда, с одной стороны, крупные собственники ведут наступление на крестьянство, а с другой, — в условиях господства арабов на море, — торговля становится невыгодной и хозяйство все более принимает натуральный характер. Нуждаясь в деньгах, императоры раздают войнам земли в пронию, т. е. в бенефиций. На своих землях проиары пользуются экскусией (иммунитетом), получают административные функции (стр. 223—225).

Последний период (1261—1453) — время бурного развития феодализации: теперь прония-бенефиций превращается в собственность (вотчину). Император раздает земли феодальной знати: севастократорам, кесарям и прочим титулованным особам, в результате чего ослабляется самая идея единой власти и империя превращается в конгломерат областей (стр. 226—227).

В заключение Д. Ангелов отмечает три особенности византийского феодализма: сохранение городов, сохранение свободного крестьянства и наличие сильной императорской власти, поскольку феодальная идеология еще не сложилась (стр. 227—228). Предложенная Д. Ангеловым периодизация опирается на принципы, далекие от марксизма, он исходит из случайных явлений.

Уже это краткое изложение содержания работы Д. Ангелова показывает, что он следует не столько марксистской методологии, сколько традициям русского дореволюционного византиноведения; в изложении истории византийского феодализма X—XV вв. Д. Ангелов следует за Ф. И. Успенским и, подобно последнему, придает первостепенное значение вопросу о пронии и ее эволюции. Единственной попыткой Д. Ангелова „сочетать“ теорию Успенского с марксизмом является стремление связать феодализацию с переходом к натуральному хозяйству. Однако натурализацию хозяйства Д. Ангелов понимает слишком упрощенно: разумеется, ослабление торговых связей в Средиземноморье в период арабского господства не могло породить феодализм. Кроме того, возможно ли говорить о натурализации хозяйства в это время, когда не только сохраняется по преимуществу денежная система обложения, но и более того, ряд старых натуральных повинностей (аннона, например) переводится на деньги? С другой стороны, Д. Ангелов сам подчеркивает сохранение городов в Византии, что также противоречит его утверждениям о натурализации хозяйства в X в.

Д. Ангелову чужд марксистский диалектический метод, поэтому он не ставит проблемы генезиса феодализма, генезиса феодальной собственности. Процесс феодализации X в. подменяется им простым расширением уже заранее данного крупного поместья (феодалного?); естественно спросить, откуда же взялись эти крупные собственники? Буржуазные историки (Андреадис, Острогорский) объясняют это очень просто: в результате ограничительных мероприятий императора Льва VI в городе („Книга эпарха“) капитал уже не мог находить себе применения в ремесле и торговле и потек в деревню, — крупные собственники стали скупать землю. Тем самым вопрос о генезисе феодальной собственности подменяется простым переносом капитала из города в деревню.

Далек Д. Ангелов от марксизма и потому, что для него история феодализма — это история феодалов. Подробно разбирая вслед за Успенским историю превращения пронии в вотчину, Д. Ангелов оставляет вне поля зрения непосредственных производителей и даже не останавливается на такой кардинальной для всякого медиевиста проблеме, как закрепощение крестьянства. Еще в XI в., как отмечает Михаил Пселл,